

ВЛАДИМИР НОЛЛЕТОВ

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Владимир Ноллетов

Учитель жизни

«Издательские решения»

Ноллетов В.

Учитель жизни / В. Ноллетов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852626-8

В редакцию газеты поступают жалобы на секту, обосновавшуюся в глухой сибирской деревне. Туда посылают молодую журналистку с заданием внедриться в секту и все узнать.

ISBN 978-5-44-852626-8

© Ноллетов В.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВНЕДРЕНИЕ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Учитель жизни

Владимир Ноллетов

© Владимир Ноллетов, 2024

ISBN 978-5-4485-2626-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СИНОПСИС

В редакцию красноярской газеты приходят тревожные письма. Якобы в глухой таежной деревне Климовке объявился пророк. Он организовал там не то секту, не то гарем. Редактор посылает в деревню молодую журналистку Дашу. Она должна внедриться в секту и все выяснить. В дороге журналистка узнает, что одна из сектанток, Наташа, покончила с собой.

Даша добирается до Климовки. За речкой стоит тайга. Там, в уединенной избе, живет основатель секты Волков. Под мостом сидит человек, курит сигарету за сигаретой, с тревогой поглядывает на лес. При виде журналистки он надвигает на глаза капюшон. Даша углубляется в тайгу.

И видит необыкновенно красивую юную девушку. Одна руку у нее в крови, в другой – полиэтиленовая сумка. Она от кого-то убегает.

Кроме Волкова, в избе живут четыре девушки. Ира поселилась здесь, продав квартиру в Красноярске. Юлю, интеллигентную девушку, любительницу поэзии, выгнал муж. Оксану Волков подобрал на помойке. Аня ушла от отчима и матери-пьяницы. Это та самая красивая девушка. Она приходит вслед за Дашей, очень испуганная. И без сумки. Говорит, что поцарапала руку о сук. Помимо девушек, был еще Семеныч, пожилой бомж, но он загадочно исчез. Появляется Волков – красивый мужчина средних лет. Дашу принимают в секту.

Появляются слушатели. Послушать ежедневные проповеди Волкова приходят из деревни, приезжают из других мест, даже из районного центра. Волков начинает проповедь. Даша тайком записывает ее на телефон.

Даша находит в лесу разбитую стеклянную банку со следами крови на осколках. Позже, в другом месте, она обнаруживает труп Семеныча. Больше всех потрясена Юля. Выясняется, что она была любовницей старика.

Скоро Даша понимает, что Волков – высокообразованный человеколюбивый человек, убежденный противник всяких сект, всякого угнетения человеческой личности. Им движет лишь желание помочь людям, научить их правильно жить. Больше Даша его речи не записывает. Она в него влюбляется. Другие девушки, кроме Ани, давно в него влюблены. Однако Волков считает, что ему не пристало вступать в любовную связь со своими ученицами.

В деревне Климовке – убожество и запустение. Пьянство и драки – обычное явление. Заправляет шайка хулиганов во главе с мужем Юли Сергеем. Жора, его правая рука, настойчиво добивается Ани. К Волкову они относятся враждебно. Но и кроме них, у него немало недоброжелателей. Многие не хотят, чтобы их поучали, чтобы мешали им жить привычной жизнью.

Когда Ира здесь появилась, она хотела отдать Волкову полученные за квартиру деньги. Тот отказался их взять. Они закопали деньги в стеклянной банке. Теперь Ира решает отдать их на операцию больной девочки из Климовки. Волков идет за деньгами и находит лишь осколки банки.

Приходят Сергей со своими подручными. Жора грубо пристает к Ане. Волков хватается за топор и выгоняет их.

Появляется соседка Ани и обвиняет ее в сожительстве со своим мужем Дмитрием.

У отчима Ани неожиданно появляется много денег. Он кутит в райцентре. Его задерживают, но вскоре отпускают. Арестовывают Дмитрия.

Волкова все больше и больше тяготит роль «учителя жизни», как его называют. Он с радостью уехал бы отсюда, но его удерживает ответственность за судьбы учениц, особенно склонной к помешательству Иры.

Аня напивается и признается, что действительно любит Дмитрия, мужчину намного старше ее. Это он сидел под мостом. На другой день она возвращается в деревню.

Даша слышит разговор Оксаны и Волкова. Та спрашивает, почему повесилась Наташа. Волков говорит, что она объяснилась ему в любви, а он сказал, что любит другую. Оксана тоже объясняется ему в любви. Он повторяет эти слова. Оксана рыдает.

Оксана разоблачает Дашу. Волков неприятно поражен.

Приходит девушка из Климовки, говорит, что хулиганы поймали Аню, стараются напоить. Волков идет в деревню. И не возвращается.

Утром Даша идет в Климовку. Видит толпу, полицейский уазик. В машине – тело, накрытое простыней. Полицейские сажают в уазик пьяную Аню. Она кутается в рваный мужской пиджак. Под ним ничего нет. Аня обвиняется в соучастии в убийстве Семеныча. Машина уезжает. Люди обсуждают случившееся. Даша все узнает.

Деньги взяла Аня. Когда выкапывала банку, порезала руку. Кражу заметил Семеныч, погнался за Аней. Дмитрий его убил. Они решили, что Аня должна оставаться с Волковым, чтобы не вызвать подозрений. Пока Дмитрий не купит квартиру в Красноярске. Но отчим Ани украл у Дмитрия эти деньги. Через него полиция вышла на Дмитрия. Тот во всем признался. Когда Волков пришел выручать Аню, шайка Сергея забила его насмерть.

Даша возвращается в Красноярск. Пишет статью о своей поездке. Редактор в восторге, рассыпается в похвалах. В ответ она протягивает ему заявление об увольнении.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВНЕДРЕНИЕ

1

Сотрудники газеты сидели в холле на диванах, ждали главного редактора, перебрасывались шутками. Даша молчала, опустив голову. Она понимала: сейчас, на пятиминутке, всё решится. Если и эту её статью отвергнут, её просто уволят. Всё своё умение вложила Даша в неё, две ночи не спала. Она боялась потерять эту работу. Считала её очень престижной. Ей нравилось произносить: «Я корреспондентка газеты „Голос правды“». И отношение к ней сразу менялось, становилось более уважительным. Так ей, по крайней мере, казалось.

Хлопнула дверь кабинета, раздались торопливые шажки. К ним семенил главный редактор – низенький толстый лысый человек, живой и стремительный, несмотря на свою полноту. Он остановился прямо перед Дашей. Девушка подняла голову и заглянула с надеждой в его круглые умные глазки.

– Дашенька, я устал повторять, – быстро заговорил он со страдальческими нотками в голосе, – Острота нужна, острота! А у тебя все пресно. Пресно и вяло. Читатель заскучает на первом абзаце. Фразы какие-то обтекаемые, расплывчатые. Хлесткости нет! И главного ты как-то не нащупываешь, во второстепенном увязаешь. И еще: цитат слишком много. Эрудицию свою хочешь показать? Цитаты к месту, когда они мысль проясняют. Одним словом, не годится статья! – Он повернулся к Маркову, худощавому молодому человеку в очках. – Тебе, Олег, важное задание.

Даша почувствовала, что у неё навертываются слёзы на глаза. «Даже не попросил переделать. В конце скажет, что я уволена. Из-за профнепригодности».

– Ты ведь у нас специалист по сектам, – продолжал главный редактор. – У нас тут опять мессия объявился. В деревеньке одной, в Климовке. Некто Волков. Секту сколотил. Из молодых девчонок в основном. Второй Подсухский! Внедришься, выведешь на чистую воду. Ну, тебе не привыкать.

Марков нервно пробарабанил тонкими пальцами по своей папке.

– Не могу, Юрий Алексеевич. Мать тяжело болеет.

Редактор провел по лысине ладонью, словно приглаживал волосы. Медленно произнес:

– Да-а... Очень жаль... – И добавил скороговоркой: – Желаю ей скорого выздоровления.

Марков кивнул.

– Юрий Алексеевич, пошлите меня! – воскликнула Даша. «Это мой последний шанс», – решила она.

– Тебя? – Редактор отмахнулся от нее своей пухлой ручкой. – Да нет, здесь мужик нужен. Мало ли что. Может, этот Волков похлеще Подсухского. – Он оглядел присутствующих. Кроме Маркова было лишь двое мужчин: Дудаладов – его заместитель, и Черепашук, «наш дед», как его все звали, семидесятилетний старик. – Да, мужиков у нас не густо...

Даша поднялась с дивана.

– Я справлюсь, Юрий Алексеевич!

Полминуты он изучал ее круглое миловидное лицо, ее большие карие глаза, обычно задорные, а сейчас очень серьезные. Вздыхнул.

– Ну что ж, рискнем. Девушка, по крайней мере, вызовет меньше подозрений. Ко мне, Даша, зайдешь.

В своем кабинете он предложил ей сесть, а сам заходил из угла в угол. На столе была развернута карта Красноярского края. Он взял со стола и протянул Даше два письма.

– Оба из поселка Желтый Яр. Прочти.

Даша читала, а Юрий Алексеевич расхаживал по кабинету и говорил:

– Вчера девушка приходила. Умоляла спасти ее подругу Ирину. По ее словам, та подпала под влияние Волкова, бросила престижную работу, продала свою двухкомнатную квартиру в центре Красноярска и уехала к нему. Все деньги за квартиру ему отдала.

В письмах тоже просили о помощи. «Волков сбивает молодежь с правильного пути... – писали в одном. – Многие перестали ходить в церковь... Он организовал в Климовке не то секту, не то гарем. Мы боимся за наших дочек и внучек!..» Под письмом стояло несколько подписей. В другом письме учительница писала о пагубном влиянии Волкова на одну из ее учениц. «Наташа такой славной девочкой была! Певунья, хохотунья. Глаза всегда светятся. Подоброму так. А как в секту попала, начала меняться на глазах. Печальная стала, глаза потухли. Что-то ее тревожит, беспокоит. Год с тройками закончила. А была отличницей. Ко всему интерес потеряла. Сборища их не пропускает, каждый день туда ходит. 3 км туда, 3 – обратно...»

– Читают, значит, нашу газету в провинции, – не без удовлетворения заметил редактор, забирая у Даши письма. – Вот эта самая Климовка. – Он стал тыкать пальцем в карту. – Совсем рядом поселок Желтый Яр. Недалеко городишко Сосновск... Звони почаще. У тебя сотовый-то есть? Какой? – Даша показала. – Годится. Все интересное записывай, снимай. Скрытой камерой, что называется.

При этих словах она хотела возразить, открыла было рот, но все же промолчала.

– Легенда у тебя будет такая: ты учительница. Усомнилась в том, что пишут в учебниках. Хочешь узнать истину.

Главный инструктировал ее долго. «Так, наверно, шпионов готовят перед засылкой», – думала Даша. На прощание он крепко пожал ей руку.

2

От Красноярска до Желтого Яра Даша добиралась на автобусе. Смотрела на мелькавшие за окном сосны и вспоминала секту Подсухского. Он, бывший офицер, объявил себя наместником бога. Требовал от своих учеников беспрекословного подчинения. Заставлял их продавать квартиры, а деньги отдавать ему. Потом у него нашли огромную сумму. Видимо, Подсухский был сильным гипнотизером. Он подавлял в своих последователях волю, инстинкт самосохранения, чувство собственного достоинства. Марков под видом очередного его приверженца проник в секту. Затем написал яркую, взволнованную статью. Начало она помнила почти дословно. Марков просит принять его в секту. Все ему улыбаются, обнимают, говорят ласковые слова. Он чувствует, что его охватывает какое-то умиление, желание любить всех людей на земле. Его подводят к Подсухскому. И тот улыбается ему, обнимает. И тут Марков видит его глаза. Холодные и жестокие глаза. И сразу вспоминает, зачем он здесь. Весь тираж «Голоса правды» с той статьей разошелся мгновенно. Она имела большой резонанс. Против Подсухского возбудили уголовное дело. Он получил срок за мошенничество.

Чем больше Даша об этом думала, тем тревожнее становилось у нее на душе. Лишь сейчас она в полной мере поняла, за какое трудное и рискованное дело взялась.

На одной из остановок вошла благообразная пожилая женщина в косынке. Она приветливо обратилась к Даше:

– Не помешаю, дочка? – Села рядом. Не прошло и минуты, как она с улыбкой повернулась к девушке. – Куда, дочка, едешь?

– В Климовку.

– Родных навещать?

– Нет. Живет там один мудрый человек. Волков. Его хочу послушать.

Дашина соседка встрепенулась.

– Вот это ты правильно надумала, дочка! Таких мудрецов, точно, не сыскать. На любой вопрос ответит. Что ни случится, всегда надоумит, как поступить. И душу, и тело исцелит. Я

день и ночь Господу молюсь, чтобы дал ему крепкое здоровье и долгую жизнь. – Она устремила глаза вверх, на крышу автобуса, и истово перекрестилась. – Лишь бы он нас не покинул, благодетель, не уехал куда... Я не нарадуюсь, что внучек мой, Валера, слушать его ходит, ни одной проповеди не пропускает.

В разговор вступил сидевший позади них молодой мужчина с волнистыми русыми волосами и синими глазами. Если бы не жестко сжатые губы и тяжелый взгляд, он походил бы на Есенина.

– Я смотрю, совсем он тебе, Петровна, голову заморочил. А вам, девушка, от души советую держаться от этого Волкова подальше.

– Вот ты на него молишься, а его ученицы церковь за полкилометра обходят, – сказала старушка у противоположного окна, худощавая, живая, с улыбочивым открытым лицом и добрыми, веселыми тускло-серыми глазами.

– Сатанисты это, сатанисты, – донесся пьяный голос с заднего сиденья.

Женщина в косынке всплеснула руками.

– Да он святой человек. На нем печать божья. Такие чудеса творит! От любой хвори вылечит. Соседа от белой горячки спас...

– Сестра моя Люба богу душу отдала от его лечения, – вздохнула старушка.

– Неизлечимая она была! Сами врачи так говорили.

– Шарлатан этот ваш Волков, – неожиданно вступила в разговор женщина в очках. – А вам, – она взглянула на Дашу, – действительно опасаться надо этой секты. А то можете и без квартиры остаться.

– Не секта это, – возразила Петровна. – Да с ним человек пять всего. Ученики самые преданные. Как апостолы у Христа. Остальные приходящие.

– Не очень-то они на апостолов похожи, – желчно рассмеялась женщина в очках. – Один, – она стала загибать пальцы, – в тюрьме отсидел. Другая, из Красноярска, – помешанная. Третья из детдома сбежала. Четвертая – вообще девятиклассница. Пятая... Она взглянула на белокурого. – Про пятую ничего не буду говорить... Волков и мою ученицу, Наташу, в свою секту втянул. Она и жить там хотела. Но родители не позволили. Такая славная девочка была. – И она слово в слово повторила то, что было написано в письме.

– Да от него только благо может быть! – воскликнула соседка Даши. – Оксанку возьмем. Она как из интерната убежала, в Желтом Яре бомжевала. Учитель ее нашел, к себе привел. Теперь она не пьет, не курит. Держит себя скромно. Не матерится даже. Книги читает.

– Не верю. Таких не исправишь. По опыту знаю. – Учительница помолчала и добавила убежденно: – Его давно посадить пора...

– Крыша у него... – буркнул пьяный. – Они с участковым... кореша...

– По трем статьям. За незаконное врачевание – раз. – Она опять стала загибать пальцы. – За мошенничество – два. За соращение несовершеннолетних – три.

На лице Петровны изобразился ужас. Она ахнула, прижала руки к груди, поджала губы и надолго замолчала.

Улыбчивая старушка обратилась к белокурому.

– И твоя, Сережа, в секте теперь, говорят. Ушла она от тебя?

– Не ушла. Выгнал я ее.

– За что? Да где ты еще такую найдешь? Красавица. Культурная. Воспитанная. И за такого как ты вышла.

Белокурый резко повернулся к ней.

– Это за какого за такого?

Старушка смутилась.

– За отбывавшего... Да это я так брякнула...

– То-то... Воспитанная, говоришь? Неправильно воспитанная. Гонора слишком много. Разве жена должна себя выше мужа ставить? Жена должна мужа почитать. И в хозяйстве от нее толку никакого. За что не возьмется – только напортит. Городская, короче!

– В секте-то ей гонор... собыют... – промямлил пьяный.

– Да, жене перед мужем заноситься не надо. Тут ты, Сережа, прав... Мужика унижать нельзя. А то он запьет, – пустилась в рассуждения старушка. – В семь лет мальчишка уже мужик, его уже бить нельзя. Мужика беречь надо.

– Золотые слова, баба Маня, – заметил Сергей.

– Мы, бабы, все должны нести на себе, – продолжала она. – Мы и сильные, мы и хитрые. Я со своим уже полвека живу. Все ему прощаю. И трудно с ним было. Он до меня и сидел. Я его немного переделала. Но ленивый он у меня...

– Что нам с мужей требовать? Морду не бьет – и ладно. И на том спасибо, – ввернула сидевшая впереди Даши худая пассажирка.

– Хорошо сказала... Все я сама делаю. И огород на мне, и скотина. Поэтому я такая здоровая. Я же уже восьмой десяток разменяла.

– А не дашь, – удивилась худая.

– Работать надо, двигаться.

Пьяный захрапел.

– Давно Волков в Климовке живет? – спросила Даша женщину в косынке.

– Четыре месяца уже, четыре.

– Чем же они на жизнь зарабатывают?

– Главный добытчик Семеныч. Рыбу ловит. Грибы собирает. Ну и по хозяйству все делает. В деревню за продуктами ходит. Огород у них свой. И Вадим Кириллович помогает... Но больше пишет. Об учении своем. Послание людям! А в три часа проповедь говорит. Каждый день. Многие приходят. И из нашего Желтого Яра. Из Сосновска приезжают. Аж из Красноярска. После проповеди совместная трапеза...

– Тра-апеза! – хохотнул Сергей.

В поселке Желтый Яр надо было выходить. Дальше автобус ехал в Сосновск, в Климовку он не заезжал. Женщина в очках, Петровна, баба Маня и Сергей тоже вышли. Сергей помог вынести сумки. Погода была промозглая, дул сырой, холодный ветер. Небо было затянуто сплошными серыми облаками. Участки посветлее чередовались с более темными, густыми, тяжелыми, как бы просевшими под тяжестью скопившейся в них воды. Иногда падало несколько капель.

– Холодный нынче июнь, – сказала баба Маня. – Я сама из Климовки, но тебе, дочка, не попутчица. К куме в гости обещалась. С ночевкой. Вот Сережа тебя проводит.

– Я, конечно, с удовольствием, – сказал тот, – но у меня здесь встреча деловая.

Он попрощался и перешел улицу.

– Ну и нашли вы провожатого! – воскликнула учительница. Она повернулась к Даше. – Нехороший он парень. Несмотря на поэтическую внешность. Они с Волковым друг друга стоят.

От остановки они пошли по грязной улочке. Баба Маня свернула в ближайший переулок. Даша несла две сумки Петровны. За плечами у неё был рюкзак. Вскоре Петровна остановилась. Взяла сумки.

– Ну, спасибо, дочка. Мне теперь направо. Я-то здесь живу, а внучок мой со снохой – в Климовке, первый дом за магазином. Если нужда в чем будет, обращайся... Ты, значит, вон по той дороге так прямо и иди. Минут сорок ходьбы. Не доходя деревни увидишь справа мосток. Перейдешь – и по тропинке в лес. Через десять минут увидишь на поляне избу. В ней Вадим Кириллович и живет.

– А лучше всего дождитесь автобуса и домой возвращайтесь, – посоветовала учительница.

Их догнала женщина с длинной русой косой. Взволнованно проговорила:

– Наташа с собой покончила!

– О господи! – перекрестилась Петровна.

– Наташа Иванова? Сектантка? – воскликнула женщина в очках.

– Она. Пошла вчера как обычно в секту, а вечером не вернулась. Явилась утром. Родители смотрят: на ней лица нет. Веки опухшие, в глазах – тоска! Молчит, сказала лишь, что в секте ночевала. И сразу в ванную. Родители и сообразить ничего не успели. Заперлась и повесилась. На полотенце.

Все помолчали. Петровна, с испугом на лице, двинулась направо.

– Теперь не отвертится, – тихо и как будто со злорадством произнесла учительница, качая опущенной головой. Она и женщина с русой косой свернули налево. Даша осталась одна. Она уже раскаивалась, что вызвалась разоблачить Волкова.

Она вышла из поселка. Дорога, разбитая, грязная, шла вдоль тихой речушки. На противоположной стороне к речке вплотную подходила тайга. Слева от дороги тянулись луга и поля. За ними – тоже тайга.

Примерно через полчаса она подошла к невысокому холму. Дальше дорога шла по косогору вверх. На холме виднелись крыши деревни. Одной стороной он круто обрывался в речку. Справа Даша увидела две черные, полусгнившие балки, перекинутые через нее. Это, очевидно, и был мост. Она подошла к нему. Отсюда деревни не было видно. Шагнула на балку – и вздрогнула. Внизу, почти под мостом, у самой воды, сидел спиной к ней человек. Сначала она подумала, что это рыбак, но удочки видно не было. Он нервно курил и вглядывался в лес на противоположном берегу. Много окурков валялось вокруг. Услышав скрип балки, он, кажется, тоже вздрогнул, обернулся и метнул на нее из-под низко надвинутого капюшона беспокойный недружелюбный взгляд. Она поспешила перейти на другой берег. Здесь росли березы и осины, дальше начинались сосны. Она оглянулась. Человек не спускал с нее глаз. Она пошла по тропе. Сердце учащенно билось. Ей было страшно. И в то же время ею все сильнее завладевало другое чувство – любопытство. Ей уже не терпелось увидеть Волкова.

3

В лесу стояла тишина. Лишь назойливо жужжали вокруг Даши комары и мошки. И иногда кричала с надрывом какая-то птица. Тропа шла между сосен и густых зарослей черники. Изредка попадались кедры. Вдруг впереди послышались шаги. Даша, сама не зная почему, поспешно сошла с тропы и стала за дерево. Она увидела девушку. Сразу бросилась в глаза ее необыкновенная красота. Она почти бежала по тропе. Ей было лет шестнадцать. Она то и дело испуганно оглядывалась. Девушка была одета в спортивный костюм. Колени и руки были в грязи, кисть отведенной в сторону правой руки обмотана пропитанным кровью носовым платком. В левой она несла полиэтиленовую сумку. «Могу я чем-то помочь?» – хотела спросить Даша, но девушка уже пронеслась мимо. Даша проводила ее глазами, пока та не скрылась за деревьями. Постояла, затем неуверенно продолжила путь. Внезапно она услышала сзади шум. Обернулась и краем глаза успела заметить, как через тропу промелькнула мужская фигура и скрылась в том же направлении, куда побежала девушка. Даше по-настоящему испугалась. Она быстро пошла вперед. «Стой!» – раздался вдали резкий мужской голос. Она вздрогнула. Не сразу поняла, что окрик адресован не ей. Он, тише и дальше, повторился.

Минут через десять тропа вывела ее на поляну. В центре ее стояла изба. Из трубы валил дым. Рядом было сооружено какое-то подобие сарайчика, в нем лежали дрова. За избой был огород. Из сарая вышла с несколькими поленьями девушка, красивая, статная, с длинной шеей. Голову она держала высоко, даже горделиво. Заметив Дашу, остановилась. Дверь избы открылась. На крыльцо стала, поспешно прикрыв за собой дверь, высокая, худая молодая жен-

щина в очках, с неправильными, но довольно приятными чертами лица. Она слегка сутулилась. Серые глаза ее были добрые, наивные и грустные.

Они поздоровались.

– Я ищущу Волкова, – не нашла сказать ничего лучшего Даша.

– Учитель еще не пришел, – мягко и вежливо произнесла женщина. – Проходите в дом.

– Только, пожалуйста, быстро зайдите. А то гнус налетит, – сказала сзади девушка с поленьями.

Даша хотела рассказать о встрече на тропе, но инстинкт самосохранения подсказал ей, что пока лучше молчать.

Изба была довольно просторной. В середине стояла русская печь. На ней кто-то сопел под пледом. Правый дальний угол был отгорожен дощатой перегородкой. В ней была сделана дверь. На полу справа лежали свернутые спальные мешки. На стене над ними висели на гвоздиках какие-то коренья, пучки трав, цветов. Слева стоял длинный стол со столешницей из грубо обструганных досок, две скамьи; у торца стола – табуретка. В ближнем углу висел умывальник. Под ним стоял таз. На левой стене висели часы и лист ватмана с надписью крупными красивыми буквами «Спешите делать добро». К дальней стене были прибиты полки, на них стояла посуда, лежали вещи. С потолка свисала керосиновая лампа. Стройная девушка положила поленья перед печкой. Все сели за стол. Одна, в очках, представилась Иррой, другая – Юлей.

– Я хотела бы пожить здесь несколько дней, приобщиться к его учению, – произнесла Даша заранее приготовленную фразу.

– Думаю, Учитель не будет возражать, – сказала Ира. Благоговение послышалось в ее голосе.

Чувствуя отвращение к самой себе, Даша рассказала свою легенду.

Она вдруг поймала на себе подозрительный, враждебный взгляд: из-под пледа на нее смотрели серо-зеленые глаза. Плед отлетела в сторону, и под ним оказалась девушка лет семнадцати, крепко сбитая, с короткими рыжими волосами и веснушчатый невзрачный лицом. Губы, брови и ресницы были густо накрашены. На ней была розовая блузка, толстые красные колготки и, если можно так выразиться, максимально укороченная зеленая мини-юбка. Она сползла с печи, не отрывая от Даши взгляда.

– Оксана, подмести бы надо, – мягко сказала Ира. – Урок скоро. Твоя очередь.

Девушка взяла с недовольной гримасой веник.

– Вы живете здесь вчетвером? – спросила Даша.

– Нет, с нами еще Семеныч, – ответила Ира. – Он за грибами отправился. И Анюта. Она погулять пошла.

Оксана подмела, огляделась.

– Совка не вижу.

– Может быть, в сарае, – сказала, вставая, Ира. Она вышла. И тут же раздался её взволнованный голос: – Анюта, что с тобой? Что случилось?

В ответ послышалось лепетание:

– Ничего... не случилось...

– На тебе лица нет! А с рукой что?

– О сучок поцарапала.

В избу вошла та самая девушка, за ней – Ира. В больших глазах Ани были страх и смущение. Увидев Дашу, девушка резко остановилась. Потом перевела глаза на Юлю. Несколько секунд они смотрели друг на друга одинаковым испуганно-вопросительным взглядом. Наконец, Аня села на скамью и опустила голову. Казалось, она вот-вот разрыдается. Оксана глядела на неё с недоумением и подозрением, Ира – с жалостью. Юля лишь украдкой бросала на Аню изучающие взгляды.

– Перебинтовать надо, – сказала Ира. Она взяла с полки йод и бинт, развязала платок на Аниной руке. – Да это не царапина, а порез глубокий! Как же, Анюта, так получилось? – Девушка молчала.

Только Ира закончила перевязку, как в дверь постучали. Вошел низенький пожилой мужчина с сумкой в руке. Его маленькие глазки смотрели из-под низко нависших косматых бровей настороженно. Поздоровался, сел на край скамьи. Вскоре пришел юноша с благообразным лицом. Девушки встретили его приветливо, ласково называли Валериком. Это, очевидно, и был внук Петровны. Затем появилась женщина лет пятидесяти с синяком под глазом. В руке она держала сверток.

Ира беспокойно поглядывала на часы. Они уже показывали без пяти три. Она встала, подошла к окну.

– Что-то задерживается Учитель, – заметила Юля.

– Пришел! – облегченно вздохнула Ира.

4

Даша с волнением глядела на дверь. Она распахнулась, и в избу быстро вошел высокий, стройный человек лет под сорок, в берете. Он запыхался, от быстрой, очевидно, ходьбы. Его лицо с тонкими, правильными чертами было озабоченным, движения – порывистыми.

Он поздоровался и остановил свой взгляд на Даше.

– Я хотела бы пожить здесь несколько дней, приобщиться к вашему учению. Можно?

– Хорошо, – сдержанно ответил он. – А Семеныч где?

– За грибами пошел, – сказала Ира.

Волков скрылся за перегородкой. Вышел аккуратно причесанным, в отглаженном костюме, в свежей рубашке, в галстук. Он преобразился: выражение лица стало значительным, движения – степенными. Он сел на табуретку – самое, очевидно, почетное место за столом. Даша с трудом сдержала улыбку: Волков восседал на ней как на троне. Юноша достал тетрадь, ручку и с безграничным доверием устремил на него свои ясные серые глаза. Даша незаметно вытащила из кармана сотовый телефон. Чувствуя себя преступницей, положила его под столом себе на колени и включила диктофон.

– Поговорим сегодня о морали, – веско заговорил Волков. – Одно из самых мучительных противоречий – противоречие между человеческой натурой и человеческой моралью. Сколько желаний досталось нам от наших предков: дикарей, первобытных людей, человекообразных обезьян, млекопитающих. Наша природа требует их удовлетворения, требует полноты жизни. Какие только желания мы не унаследовали! В том числе – властвовать, подавлять, причинять боль другим. Что должен делать человек? Дать полную волю своим желаниям? Это неизбежно приведет к конфликтам с другими людьми, к безнравственным поступкам, к преступлениям. Подавить их? Это значит: обеднить свою жизнь, выхолостить себя, убить в себе творческое начало. Человек должен ощущать в себе эту необузданную силу. Он должен быть непредсказуем, прежде всего для самого себя. Тогда интересно жить. Аскетизм – эта выдумка больных умов. К слову, аскеты редко бывают добрыми людьми. Как всегда и везде, единственный выход – разумный компромисс. Успокоить надо только те желания, которые вступают в противоречие с моралью, причиняют вред другим людям.

Ира и Юля смотрели на Волкова с обожанием, Оксана – с каким-то вызовом. Аня думала о чём-то своём. Выражение испуга не сходило с ее лица. Волков несколько раз внимательно поглядел на нее.

– А нетрадиционная любовь? – неожиданно для себя самой спросила Даша. В ней пробудилась журналистка. Ира с укоризной посмотрела на нее. Даша смутилась, подумала, что

совершила, наверно, большой проступок, перебив его. Волков бросил на нее беглый и недовольный взгляд.

– Она разрушает самые основы человеческой морали, естественной, здоровой морали. Ее пропаганда должна оставаться под запретом.

Пожилой мужчина вдруг поднялся.

– Извиняюсь, мне пора. – Он поднял с пола сумку. – Моя вот тут передала. – И стал вынимать из сумки яйца. (Ира осторожно складывала их в миску.) – Я что пришел... Пацан наш слег. Простудился, видать... Знобит его. А лекарств дома нет.

– Сколько ему лет? – спросил Волков.

– Семнадцать.

– Жар – это хорошо, это полезно. (Мужчина подозрительно покосился на Волкова.) Так организм с возбудителем болезни борется. Градусник у вас есть?

– Найдется.

– Измеряйте температуру. Если не выше 38 – ничего не предпринимайте. Если начнет подниматься выше – дайте парацетамол. И вызовите врача.

Он взял с полки таблетки.

– А вообще-то таблетками не злоупотребляйте. Всякая таблетка в чем-то помогает, а в чем-то вредит. Безвредных таблеток не бывает. Лучше принимать природные средства.

Низенький человек сунул таблетки в карман и стал прощаться.

– Гаврилыч, меня подожди, – сказала женщина с синяком (тот присел) и обратилась к Волкову: – Опять мой в запой ушел. Сил моих больше нет! Помогите, Вадим Кириллович! – Она говорила просительно, однако смотрела на Волкова цепко и недоверчиво.

Волков снял со стены какой-то корешок.

– Это любисток. Надо настоять его вместе с четырьмя лавровыми листьями в полулитре водки. Настаивать две недели.

– Две недели! Ох...

– Алкоголик выпивает такой настой и начинает чувствовать к водке отвращение. Но это не на всех действует.

– Дай вам бог здоровья... Еще у нас одна беда. Дочка у нас задурила. К мужику одному на шею вешается. Ей – семнадцать, только-только исполнилось, а ему – двадцать пять. Из них два отсидел.

– Это Серега что ли? – поинтересовался Гаврилыч. Юля вся напряглась. Аня тоже пробудилась от своей задумчивости и прислушалась.

– Ну. Первый парень на деревне! – Она зло усмехнулась. – Гонит ее от себя, материт, а она все равно... И мы не пускаем. А она: «Жить без него не могу»... У них еще до его женитьбы началось. Но когда он женился, она к нему и близко не подходила. Людка у меня порядочная. А как Юльку выгнал...

– Я сама ушла! – перебила Юля.

– ... так она совсем голову потеряла. При каждом случае шасть к нему. Он ее иногда и отлупит. Придет домой в синяках, в слезах, а отец еще добавит...

– Никакая женщина в мире так не достойна уважения, как русская женщина, и ни к какой женщине не относятся с таким неуважением, как к русской женщине, – с глубокомысленным видом произнес Волков.

Валера записал. Гаврилыч буркнул:

– Русская баба сама себя не уважает. Это прежде всего. Оттого и ее не уважают.

– Запирать ее уже стали. С ним говорили. А толку! Да не нужна мне она, избавьте вы меня от нее, говорит, видеть ее уже не могу. Что делать, Вадим Кириллович? В суд на него подать? За соvrращение несовершеннолетней.

– Вам, бабам, только бы мужика засадить, – заворчал Гаврилыч. – Совращение... Порядочная... Как будто она у тебя в Усадьбу Киргиза не ходила.

– Так это он ее туда и заманил, гад. Только какая-нибудь девка подрастет, расцветет – он уже кругами ходит. Вот Машка повзрослела, Свиноматки старшая. Теперь за нее возьмется.

– Свиноматки? – удивленно переспросила Даша.

– Да есть у нас одна мать-одиночка. Это ее кликуха. Семь детей нарожала. – Презрение и недоброжелательство зазвучали в ее голосе. – И все от разных мужиков. Ну как же не Свиноматка? Мол, аборт – это убийство. А сама – пьяница. Материнский капитал пропивает. В доме – грязь! Дети голодные, чумазы. Машка по помойкам ходит, бутылки собирает. Скоро эту горе-мамашу родительских прав лишат. Уже документ готовится.

Волков резко встал и взволнованно прошелся по избе, утратив всю свою степенность. Потом сел и снова принял солидный вид.

– Дочка говорит, – продолжала она – что руки на себя наложит, если его посадят.

– В отношениях между людьми прав тот, кто сильнее любит, – изрек Волков. Женщина озадачено взглянула на него. Валера записал. Волков помолчал. – Запирать, конечно, нельзя. Это насилие над личностью. В суд тоже подавать не стоит. Это крайняя мера. Может быть, вначале у них была взаимная любовь...

– У Сергея – любовь? – горько усмехнулась женщина.

– Надо ждать, – продолжал он. – В этом положении всякое действие хуже бездействия.

Со временем она сама поймет, что не того полюбила.

– Вот несчастье на мою голову! – всхлинула она.

– Самое большое несчастье – утратить способность чувствовать себя несчастным, – нравоучительно произнес Волков. – Остальные несчастья человек в силах перенести.

Женщина вытерла слезы и снова с недоумением уставилась на него. Юноша снова записал. Он сидел в напряженной позе, не откладывая ручку, не сводя глаз с Волкова, видимо боясь пропустить что-нибудь важное.

– Я тут вам сальца домашнего принесла. – Женщина положила руку на лежавший на столе рядом с ней сверток. Потом еще раз сдержанно поблагодарила и стала прощаться.

– Чаю попейте, – сказала Ира.

– Спасибо. Дел по хозяйству много.

Они с Гаврилычем ушли. Волков посмотрел на часы.

– Может быть, есть вопросы?

– Учитель, а хотите вопрос типа на засыпку? – спросила Оксана. И в глазах, и в голосе ее был вызов.

– Люблю такие вопросы.

– Короче, что было вначале: яйцо или курица?

– Оксана, это легкий вопрос. Конечно, яйцо. Предположительно, отряд куриных произошел непосредственно от археоптерикса. Значит, первая курица, которая была лишь чуть-чуть больше курицей, чем археоптериксом, вылупилась из яйца, снесенного археоптериксом. Я, конечно, немного утрирую...

– Какие три книги вы бы взяли в космическое путешествие? – задала трафаретный вопрос Даша. Она всегда его задавала, когда брала интервью.

– «Война и мир», «Идиот», «Братья Карамазовы». Еще есть вопросы? Нет? Тогда на сегодня все. – После этих слов он стал раскованней и естественней.

– Почему же Наташа не пришла? – удивилась Ирина. – Это первый раз.

Оксана бросила на Волкова быстрый и острый взгляд. Даше показалось, что он смутился от этого взгляда. Она хотела сказать, что Наташа никогда уже не придет, что ее нет, но в последний момент вспомнила о своем решении не говорить ничего лишнего.

– Из Желтого Яра вообще никого не было, – заметила Юля. – Тоже впервые.

Стали пить чай.

– Ты чем-то расстроена, Анюта? – спросил Волков.

Та вскинула на него свои изумительные глаза: большие, ярко-синие, лучистые. Их синь красиво сочеталась с очень темными ресницами и бровями и очень светлыми волосами. Что-то дрогнуло в ее лице. Однако она овладела собой.

– Нет, Учитель.

– А с рукой что? Порезала?

– О сучок поранила.

Ира с доброй улыбкой обратилась к юноше:

– Бери, Валера, варенье, не стесняйся. Ты же любишь сладкое.

– Да, – сознался он, наивно и доверчиво поглядывая на всех. – А мне сестра даже много сахара класть в чай не разрешает. Диабетом заболею, говорит. От нее только и слышно: это нельзя, то нельзя. От тортов, от пирожных отказалась. А сама их обожает.

– Надо есть то, что хочется, – сказал Волков. – Организм лучше любых врачей знает, что для него полезно, а что вредно. Всегда прислушивайтесь к своему организму.

Валера снова достал тетрадь и записал. Оксана фыркнула.

Вскоре он ушел. Даша выключила диктофон, сунула телефон украдкой в карман.

– Самый старательный ученик: ни одной проповеди не пропускает, – с улыбкой заметила Ира. – Ну, еще и Наташа до этого не пропускала... Анюта, а ты совок не брала?

– Я?... Нет, тетя Ира.

– А что, в Климовке больницы нет? – спросила Даша, вспомнив Гаврилыча.

– Какая там больница, – буркнула Оксана. – Тут даже школы нет. Типа из Желтого Яра автобус за учениками приезжает.

Даша ждала, что Волков заговорит с ней, станет расспрашивать. Однако он лишь раза три бегло взглянул на нее.

– Странно, что Семеныч на лекцию не пришел, – озабоченно произнес Волков. – Не мог же он заблудиться.

Оксана взглянула на Юлю:

– Вы же с ним вместе за грибами пошли.

– Мы потом... в разные стороны разошлись.

– Нет, это он реально в деревню слинял, бухнуть, – решила Оксана. – Ему же раз в пол-месяца обязательно нажраться надо...

– Оксана! – воскликнула Ира.

– Душа, говорит, требует.

– Так еще и десяти дней не прошло, – заметила Юля.

– Все-таки я пойду поищу, – сказал Волков.

– И я с вами! – в один голос воскликнули Юля и Оксана.

– Нет, лучше я один.

Все, кроме Даши, вышли во двор. Юля стала объяснять, в какую сторону пошел Семеныч. Даша приоткрыла дверь в угловую комнатку, увидела раскладушку, стол, табуретку, полку с книгами. На столе стояла пишущая машинка и небольшое зеркало.

– Я типа не поняла. Ты что высматриваешь? – раздался за ее спиной голос Оксаны. Дашу покоробил бесцеремонный тон. – Короче, сюда без спросу не заходят.

Вернулись и Аня с Юлей. Даша молча вышла из избы.

Ира искала что-то во дворе.

– Совок не могу найти, – пояснила она. – Странно. Хороший железный совок был. – Ира присела на врытую в землю скамью.

Даша села рядом, спросила, чтобы завязать разговор:

– Много людей обычно приходит?

– По-разному. Вот на прошлой неделе целая, можно сказать, делегация была из Красноярска.

– А вы пятеро почему здесь остались?

– Семеныч, например, бомжом был. К нам пришел голодный, в рваной одежде, без денег, без документов. Учитель всех принимает, кто в беду попал. Оказался смиренным, работающим. Не нарадуется, что есть теперь, на старости лет, крыша над головой. Ему уже за шестьдесят. Оксана из детдома сбежала. Учитель на улице ее подобрал, в Желтом Яре...

– Разве ее не ищут?

– Она теперь уже совершеннолетняя... Юлия от мужа ушла. Она сама из Сосновска. Из приличной, интеллигентной семьи. Полюбила его заочно, по фотографии. За то, что на ее любимого поэта Есенина похож. Впрочем, я особого сходства не вижу. Они стали переписываться, когда он срок отбывал. В этом же романтика, а Юлия девушка романтичная! Стихи свои ему посылала. Когда освободился, переехала к нему в Климовку, хотя ее родители были против. Официально не расписались. Он не захотел. Вместе они недолго прожили. Однажды он, пьяный, ударил ее. Она девушка гордая, собрала вещи и поехала домой. А отец не пустил. Неделю у подруги пожила, потом не выдержала, вернулась к мужу. Тут уж он стал руки распускать чаще. Не мог простить, что она от него уходила. Юлия пришла к нам... И еще Анюта. Местная. Девятиклассница, Из дома ушла. Там каждый день пьянки, скандалы. И мать пьет, и отчим. Бутылки собирать даже ее иногда заставляли. Кроме того, климовская шпана проходу ей не давала, красавице такой, приставала. – Ира вдруг понизила голос. – Вроде бы и сам отчим в пьяном виде начал приставать. Как каникулы начались, сюда пришла. – Она помолчала. – Вся мужская работа на Семеныче. Стол, скамейки, вот эту тоже – все он сделал... Готовит Анюта. Она вкусно готовит. Чистоту в избе поддерживаем по очереди. Анюту лишь от этой обязанности освободили.

– И Во... И Учитель в очереди?

– Ну что вы! – испуганно воскликнула Ира.

– А Сергей за что сидел?

– В драке одного покалечил. Говорят, если он в драку ввяжется – остановиться уже не может, невменяемым становится.

– А вы приехали из Красноярска?

– Да... Может, перейдем на «ты»?

– С удовольствием. А это правда, Ира, что ты продала там квартиру и все деньги отдала Учителю?

– Нет. Я их храню в банке. – Она вдруг рассмеялась, непонятно почему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.